

Ю.В. Лебедев

Странники и помещик

Постепенно в сознании крестьянства рождается идеал подвижника, борца за народные интересы. В пятой главе первой части «Помещик» странники относятся к господам уже с явной иронией. Хотя помещик и выставляет себя перед мужиками их защитником и благодетелем, странники ему не верят и над ним посмеиваются. Они уже понимают, что дворянская «честь» не многого стоит:

«Извольте: слово честное,
Дворянское даю!»
— Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!

Странники заговорили с бариним так же дерзко и раскованно, как и Яким Нагой. Но даже не это более всего удивляет Оболта-Оболдуева, помещика, знающего мужика лучше всех других сословий русского общества. Его приводит в изумление, что бывшие крепостные взвалили на себя бремя исторического вопроса «кому на Руси жить хорошо?». Это так неожиданно для барина, что он, как лекарь, руку каждому из мужиков пощупал: уж не больны ли они. Почему? Да потому, что вчерашние «рабы» взялись за решение проблем, которые издревле считались дворянской привилегией. В заботах о судьбе Отечества видело дворянство русское свое историческое предназначение и после отмены крепостного права. А тут вдруг эту единственную миссию, оправдывающую его существование, у дворянства перехватили мужики! Вот почему,

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, господа!»

За желчной иронией Оболта-Оболдуева скрывается горькая для него жизненная правда: судьба помещичья теперь оказывается зависимой от этих мужиков, ставших гражданами России. «И мне присесть позволите?» – обращается вчерашний господин с вопросом к своим «рабам».

Глава «Помещик» в отличие от главы «Поп» внутренне драматична. Исповедь Гаврилы Афанасьевича, глубоко лирическая, многоплановая и субъективно честная, все время корректируется ироническими репликами мужиков, снижающими ее возвышенный пафос. Монолог помещика Некрасов выдерживает от начала до конца в традициях эпопеи: речь идет не столько об индивидуальном характере Оболта-Оболдуева, сколько о дворянском сословии вообще. Поэтому рассказ помещика включает в себя не только «удар искросыпительный», но и поэзию старых дворянских усадеб с их русским хлебосольством, с общими для дворян и мужиков утехами, и тысячелетнюю историю дворянства, и серьезные раздумья над современным состоянием русской жизни, в чем-то близкие авторским:

На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«Навынос и распивочно».

Как замечает современный исследователь эпопеи Некрасова Н. Скатов, «такой емкий образ вряд ли можно было бы найти в романе, повести или драме. Это образ эпический, который тоже представляет своеобразную энциклопедию помещичьего сословия, но включенный именно в народную поэму, оцененный народным умом. Потому-то весь рассказ помещика спроецирован на крестьянское восприятие и постоянно корректируется им. Мужики здесь не пассивные слушатели. Они расставляют акценты, вмешиваясь в помещичью речь редко, да метко. Недаром рассказ помещика и всю эту последнюю главу первой части завершает мужицкое слово, мужицкий приговор:

Порвалась цепь великая,
Порвалась — раскочилась:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..

Как и в случае с попом, повествование помещика и о помещике не есть простое обличение. Оно также об общем, катастрофическом, всех захватившем кризисе. И о том, что народ есть в этом положении сила единственно здоровая, умная, красивая, условие развития страны и обновления жизни. Потому-то в последующих частях поэмы Некрасов оставляет намеченную сюжетную схему (поп, помещик, купец...) и художественно исследует то, что и составляет суть и условие эпического произведения, народной поэмы — жизнь и поэзию народа в их неисчерпаемости».